

ВИБЛІОГРАФІЯ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine.

Въ ноябрьской книгѣ Jahrbücher'a мы встрѣчаемъ начало интересной статьи Балка о тактикѣ русской пѣхоты за послѣдніе тридцать лѣтъ. Литературная фізіономія Балка уже достаточно знакома русскому военному обществу. Въ трудахъ бывшаго лектора Берлинской военной академіи едва ли кому придетъ охота искать оригинальныхъ идей. Чтеніе его многочисленныхъ сочиненій не открываетъ намъ новыхъ горизонтовъ, но оно представляетъ значительный интересъ, такъ какъ знакомитъ насъ съ наиболее распространенными въ германскомъ военномъ обществѣ взглядами. Балкъ держится середины; статьи его представляютъ сводку господствующихъ взглядовъ; часто чтеніе такого «средняго» писателя полезнѣе для нашей ориентировки чѣмъ изученіе выдающагося оригинальнаго мыслителя, которому свойственно увлекаться, свойственно отклоняться отъ русла общественнаго мнѣнія.

Вопросъ о тактикѣ нашей пѣхоты за послѣдніе 30 лѣтъ представляетъ громаднѣйшій интересъ для каждого изъ насъ. Однако, мы не можемъ указать на обстоятельный очеркъ историческаго развитія нашей тактики за послѣднія десятилѣтія; для каждого русскаго изслѣдователя на этомъ пути встрѣчаются основательныя терніи. Исторію современниковъ писать трудно, въ особенности когда сталкиваешься съ такими основательными фигурами, какой была, напримѣръ личность покойнаго Драгомирова. Тѣмъ интереснѣе для насъ знакомство съ чужими взглядами на послѣдніе шаги нашего историческаго развитія. Полное отраженіе взглядовъ германской военной мысли мы найдемъ въ рассматриваемой нами статьѣ.

I.

Балкъ, конечно, сторонникъ огневой тактики; августовскіе бои 1870 года привели германскую пѣхоту къ убѣжденію, что успѣхъ въ бою является исключительно слѣдствіемъ обдуманнаго использования огня, что сомкнутые строи не могутъ примѣняться въ ведущей бой передовой линіи; бой должна вести сильная стрѣлковая цѣпь. Но противоположная парадная тактика не сразу уступила мѣсто новымъ идеямъ; сторонники ея находили, что дисциплина еще важнѣе, чѣмъ огневая подготовка, и потому настаивали на муштровкѣ въ сомкнутыхъ строяхъ; мысли о массовой атакѣ съ распушенными знаменами и участіемъ полкового оркестра не были окончательно отброшены; бой въ стрѣлковыхъ цѣпяхъ еще разсматривался многими, какъ уступки несовершенству человѣческой природы; они утверждали, что германская пѣхота побѣдоносно вышла изъ тяжелаго критическаго положенія, въ которое попала въ первые бои съ французами въ 1870 году, главнымъ образомъ, вслѣдствіе царившей въ ней желѣзной дисциплины.

Приверженцы боя въ сомкнутыхъ строяхъ всегда при этомъ указывали на блестящія русскія войска, лучшія свойства которыхъ проявлялись въ великолѣпныхъ сомкнутыхъ атакахъ; сила русской пѣхоты основывалась преимущественно на штыковомъ ударѣ. Несмотря на опытъ франко-прусской войны, въ Германіи еще продолжали увлекаться искусными перестроеніями баталіоновъ въ трехшереножномъ строю... Тѣмъ же занимались и въ Россіи; напрасно Драгомировъ убѣждалъ, что въ мирное время нужно учить только тому, что придется дѣлать въ военное. Возвратившись съ войны 1866 года, гдѣ онъ находился при побѣдоносныхъ прусскихъ войскахъ, Драгомировъ направилъ свои усилія на борьбу съ пережитками Николаевской эпохи въ воспитаніи войскъ, пережитками, которые ставили матерію выше духа, которые придавали формѣ большее значеніе, нежели сущности. Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ педагогическая дѣятельность Драгомирова была направлена на борьбу съ господствовавшимъ тогда въ русской арміи матеріализмомъ, которому онъ противопоставлялъ моральное воспитаніе бойца. Драгомирову, при его увлекающемъ характерѣ, не удалось удержаться въ границахъ цѣлесообразности. Въ своемъ учебникѣ тактикѣ онъ боролся противъ непреложныхъ правилъ, противъ слѣпой вѣры въ авторитетъ; онъ указывалъ, что въ каждомъ частномъ случаѣ рѣшеніе надо искать въ собственной головѣ, а не припоминать вычитанныя изъ книгъ шаблоны, не отвѣчающіе обстоятельствамъ. Тактика должна [ставить себѣ цѣлью не столько выработку опредѣленныхъ

правиль для веденія боя, какъ изслѣдованіе о немъ. Не тотъ хорошо читаетъ, кто запоминаетъ все прочитанное, а тотъ, кто, встрѣтивъ какое либо правило, задаетъ себѣ вопросъ: не существуютъ ли условія, при которыхъ надо поступать наоборотъ?

Ученіе Драгомирова имѣло успѣхъ, такъ какъ оно легко усваивалось; въ немъ было больше сердца, чѣмъ разума, скорѣе это была вѣра, чѣмъ наука. И когда онъ возставалъ съ такимъ жаромъ противъ вѣры въ авторитетъ, едва ли онъ предчувствовалъ, что онъ самъ поведетъ русскую пѣхоту къ такому слѣпому подражанію завѣтамъ Суворова.

Къ началу русско-турецкой войны наша армія была подготовлена къ показу элегантныхъ боевыхъ картинъ въ духѣ смотровой тактики; офицеры—за малыми исключеніями, оказались не въ силахъ отречься отъ усвоеннаго въ мирное время шаблона; не существовавшую въ мирное время инициативу и чувство отвѣтственности не удалось воскресить и на войнѣ.

Русскіе уставы давали указанія, которыми можно было бы воспользоваться и для боя, но которыя имѣли въ виду не столько цѣль, для которой они издавались, сколько условія строевого ученія; русскіе уставы какъ бы являлись самодовлѣющими, и отъ этого недостатка они не вполне избавились еще и до сихъ поръ. Заботиться о боѣ уставы начинаютъ только съ 1874—75 годовъ. Бой долженъ былъ вестись преимущественно баталіонами въ развернутомъ строю. Подъ прикрытіемъ слабой стрѣлковой цѣпи надо было стремиться подойти на 300 шаговъ въ сомкнутомъ строю, и послѣ нѣсколькихъ залповъ броситься въ штыки. Русская пѣхота на учебныхъ плацахъ приучалась къ глубокому построенію, къ наступленію узкимъ фронтомъ, къ мысли, что храбрость войскъ превозможетъ всѣ затрудненія. Въ мирное время уставъ приучалъ къ шаблоннымъ упражненіямъ, въ военное—оставлялъ начальника рѣшать все по своему усмотрѣнію. Последнее было бы правильно только при выдающейся тактической подготовкѣ офицеровъ, чего въ нашей арміи не было.

Желаніе использовать свое превосходное ружье естественно привело турокъ къ веденію боя въ густыхъ стрѣлковыхъ цѣпяхъ. Такимъ образомъ, въ турецкую войну столкнулись двѣ системы, представители коихъ были вполне убѣждены въ правотѣ своихъ воззрѣній. Успѣхъ при первомъ серьезномъ столкновеніи долженъ былъ склониться на ту сторону, которая стремилась полнѣе использовать огнестрѣльное оружіе.

Исторіей тактики, къ сожалѣнію, пренебрегаютъ; между тѣмъ она указываетъ на правильную повторяемость извѣстныхъ явленій; она

научаетъ насъ распознавать вѣчную—иногда явную, иногда тайную борьбу между боевой и смотровой тактикой, она намъ указываетъ, какъ боевой опытъ используется въ мирное время, какъ войска примѣняются къ первымъ внезапнымъ впечатлѣніямъ войны. Находь-Траутенау, Плевна, Колензо-Спюнскупъ, Вафангоу—все это развитіе одного и того же положенія: «огонь — это все, остальное — пустяки».

Огневая тактика турокъ должна была бы одержать перевѣсъ надъ ударной тактикой русскихъ, но на нашей сторонѣ была и численность, и болѣе обильное снабженіе вспомогательными средствами, и лучшее высшее управленіе. Мы обладали прекраснымъ людскимъ матеріаломъ, которому, правда, не хватало извѣстной школы для развитія въ бою всей его духовной мощи. Мы умѣли умирать, но не драться. Сильный, стойкій, невыскательный, русскій солдатъ удовлетворилъ бы всѣмъ требованіямъ; слѣпо преданный своимъ начальникамъ, русскій солдатъ готовъ на все. Неудачи на него не дѣйствуютъ—на помощь приходитъ извѣстная упругость духа, позволяющая съ легкимъ сердцемъ забывать о пораженіяхъ. Но въ существовавшихъ условіяхъ, приученный дѣйствовать только по приказанію, русскій солдатъ оказался вполне выдающимся только въ сомкнутомъ строю. Постоянныя упражненія въ сомкнутомъ строю коверкаютъ его личность. Сомкнутый строй вращиваетъ чувство мощи въ русскихъ солдатахъ, но вытравливаетъ изъ единичнаго бойца сознаніе ответственности; развивающееся стремленіе къ подражанію представляетъ психическую заразу, которая угрожаетъ дойти до полного расслабленія воли. Это объясняетъ и паники, случающіяся въ русскихъ войскахъ, и пассивную, безвольную покорность судьбѣ.

Солдатская дисциплина въ русской арміи основывается вовсе не на умственной ограниченности крестьянъ, обладающихъ въ общемъ хорошими, но не развитыми задатками, а на исторической вѣрности мужика Царю и православной вѣрѣ. Офицеру легко сохранить управленіе въ самомъ затруднительномъ положеніи; но сама эта послушность русскаго солдата дѣлаетъ его болѣе способнымъ къ стойкой, упорной оборонѣ, чѣмъ къ наступленію, которое требуетъ самостоятельнаго, сильного, мужественнаго характера. Несмотря, однако, на эти оборонительные задатки, въ Россіи предпочитаютъ культивировать идею наступленія.

Причины нашихъ неудачъ въ турецкую войну во многомъ еще удерживаются въ нашей арміи до настоящаго времени: то же отсутствіе огневой подготовки, узкій фронтъ, глубокое расчлененіе. Стрѣльцовый бой ведется бережливо, начальники стремятся удержать въ

резервъ побольше, и выпускаютъ изъ своего распоряженія только строго необходимыя войска; это ведетъ къ вступленію въ бой по частямъ, къ постоянной борьбѣ съ превосходнымъ въ силахъ врагомъ. Эти выводы Балъ подтверждаетъ хорошо извѣстными намъ примѣрами Плевненскихъ боевъ, въ которыхъ полки нашей арміи разбивались, каждый отдѣльно, безъ поддержки другихъ. Наша ударная тактика прекрасно характеризуется замѣчаніемъ Куропаткина о бояхъ 30-го августа: «если какойнибудь идущій въ атаку полкъ открывалъ огонь, то это былъ вѣрный признакъ того, что наступленіе отбито».

Памятная атака Скобелева 30-го августа велась также безъ огневой подготовки; цѣной расхода резервовъ и большихъ потерь намъ удалось достигнуть цѣли. Это первоклассный подвигъ мужества, техника котораго, однако, не заслуживаетъ подражанія.

Въ турецкую войну, какъ и позже, неудачи привели къ переоцѣнкѣ силъ противника. Въ Плевнѣ 40,000 Османа-паши мы оцениваемъ въ 80,000. Подъ Ловчей мы считаемъ, что 25 баталіоновъ, 92 пушки и 15 сотенъ недостаточно, чтобы справиться съ 8,000 турокъ при 6-ти пушкахъ. Подъ Горнымъ Дубнякомъ мы атакуемъ 6 слабыхъ турецкихъ баталіоновъ при 4-хъ пушкахъ тремя гвардейскими бригадами съ 90 пушками.

Какъ у нѣмцевъ въ 1870 году, у русскихъ въ борьбѣ съ турками, а потомъ и съ японцами, замѣчается склонность къ расходованію резервовъ на второстепенныя цѣли; введеніе въ бой резервовъ замедляется; часто они не принимаютъ участія въ боевомъ столкновеніи. Пристрастіе наше къ формированію особыхъ отрядовъ прямо неискоренимо.

Перевѣсъ въ силахъ могъ сгладить многое, но не все. Рядъ боевъ выяснилъ нецѣлесообразность примѣняемыхъ нами приемовъ. Причины нашихъ неудачъ мы усматривали не въ собственныхъ ошибкахъ, а въ тактикѣ турокъ и въ ихъ лучшемъ вооруженіи. Правда, начались поиски за новыми тактическими формами—однако, новыя формы могли только уменьшить потери, но не обезпечить успѣхъ. Всякій уставъ является дѣтищемъ своего времени, и потому неизбѣжно старѣеть. Всякая война выдвигаетъ новые методы боя; всякая армія непрерывно должна переучиваться. Исторія тактики должна освѣтить, какъ удалось войскамъ воспользоваться боевымъ опытомъ. Войскамъ не такъ важно изучить существующіе уставы, какъ быть готовымъ къ воспріятію новыхъ методовъ боя. Для того, чтобы перейти къ новымъ методамъ боя, нужны широкое тактическое образованіе начальниковъ, воспитаніе ихъ въ духѣ самостоятельности и частнаго почина, хорошее стрѣлковое обученіе всей арміи: всего этого не хватало русской пѣхотѣ.

II.

Скобелевъ—человѣкъ дѣла, и Драгомировъ—человѣкъ пера, во многомъ представляли двѣ противоположности, но оба они сходились на почвѣ великославянскихъ идей, оба стремились возстановить тактическую школу Суворова, основную идею которой многіе видятъ въ выраженіи: пуля—дура, штыкъ—молодецъ. Какъ начальнику и профессору Николаевской академіи генеральнаго штаба, Драгомирову не трудно было добиться признанія въ войскахъ новой русской тактики, основанной на одностороннемъ культѣ штыкового удара, на элементахъ моральнаго порядка. Начала западно-европейской тактики, устанавливавшіяся въ Россіи, потерпѣли полное крушеніе въ турецкую войну; залогомъ успѣха въ будущей войнѣ должна была явиться національная тактика, основывавшаяся на особенностяхъ русскаго народа.

По этому пути Драгомировъ зашелъ слишкомъ далеко. Уже въ 1879 году онъ писалъ: «рѣдкость штыковыхъ боевъ доказываетъ не бевсиліе штыка, а только то, что рѣдко встрѣчаются противники, которымъ по плечу тотчасъ же примѣнить его». Отъ штыковъ нельзя отказаться уже потому, что штыкъ представляетъ единственный, исключительный матеріальный символъ того волевого напряженія, которое только и можетъ на войнѣ и въ жизни привести насъ къ цѣли; разсудокъ можетъ только помочь на этомъ пути.

Если армія, полагающаяся исключительно на огонь, не вѣрющая въ возможность успѣха штыковой атаки, столкнулась бы съ другой арміей, не презирающей огня, но вспоминающей во время о штыкахъ, и дѣло дѣйствительно дошло бы до штыковой свалки, то первую армію ждало бы ужасное пораженіе. Безъ сомнѣнія, при современномъ огнестрѣльномъ оружіи на близкихъ разстояніяхъ роль штыка можетъ выполнить и пуля, но для этого необходимо, чтобы части не боялись уничтоженія, чтобы они получили воспитаніе въ духѣ штыковой тактики, и вслѣдъ за выстрѣломъ готовы были бы вступить въ рукопашную. Въ противномъ случаѣ стрѣльба съ близкихъ разстояній окажется пустой тратой патроновъ; кому не по плечу рукопашный бой, тотъ подъ его угрозой будетъ стрѣлять на воздухъ.

Если солдаты будутъ обучены пораженію врага издали, изъ за прикрытія, то они, очевидно, будутъ предпочитать этотъ сравнительно безопасный методъ боя опасному, т. е. штыковой работѣ. Если мы

будемъ увлекаться обученіемъ стрѣльбѣ, то получимъ болѣе или менѣе развитыхъ солдатъ, которые будутъ хорошо стрѣлять съ большихъ дистанцій, но которымъ будетъ не по плечу отважиться на штыковой бой. Въ конечномъ результатѣ стрѣльба ведетъ къ умственному развитію, но не даетъ практики моральному усовершенствованію.— Въ этомъ отношеніи Драгомировъ видѣлъ большую опасность во введеніи скорострѣльныхъ образцовъ оружія.

«Въ Европѣ новое явленіе: магазинное ружье. Франція, Австрія, Германія, Італія приняли его; не ввести ли его и намъ? Да, если руководиться стаднымъ чувствомъ, стадной логикой; если вся Европа перевооружилась, почему и намъ не послѣдовать ея примѣру? Не учили ли насъ съ ранняго дѣтства, что нѣтъ спасенія безъ нѣмцевъ?» Сторонникамъ новаго оружія была дана презрительная кличка огнепоклонниковъ.

Въ томъ же духѣ боролся Драгомировъ противъ скорострѣльной артилеріи, противъ щитовъ и пулеметовъ. Можно было быть заранѣе убѣжденнымъ, что Драгомировъ будетъ бороться противъ всякаго технического нововведенія.

Въ бою Драгомировъ находилъ нужнымъ сильныя резервы для рукопашнаго боя и рѣдкія цѣли при подходѣ къ противнику, причемъ стрѣлкамъ воспрещалось ложиться. Уставы русской арміи послѣ турецкой войны составлялись подъ сильнымъ вліяніемъ его воззрѣній. «При особенностяхъ нашей арміи», писалъ Драгомировъ, «совершенно невозможно пересаживать на нашу почву многое изъ того, что такъ хорошо произрастаетъ въ Германіи. Въ подготовкѣ нашей арміи мы должны идти по самостоятельной дорогѣ. Суворовскій методъ воспитанія и обученія представляетъ, безъ сомнѣнія, наше національное богатство; это нашъ самостоятельный путь».

Несомнѣнно, методъ боя въ высокой степени зависитъ отъ національныхъ особенностей народа; однако, при этомъ нельзя идти наперекоръ дѣйствительности оружія. Серьезные уроки русско-турецкой войны были скоро забыты; какъ и во времена гладкаго оружія, залогъ успѣха видѣли только въ атакѣ массой, въ однихъ штыкахъ. Стрѣльба должна была вестись исключительно залпами, такъ какъ за ними признавалась большая дѣйствительность; при стрѣльбѣ залпами рассчитывали, что удастся лучше держать людей въ рукахъ.— Генераль Драгомировъ отстаивалъ свои взгляды объ исключительно подготовительномъ значеніи огня и послѣ Ляоянской битвы.

Какъ симпатичны мысли Драгомирова о моральномъ воспитаніи бойца, какъ много правды въ его сочиненіяхъ! Тѣмъ опаснѣе было его одностороннее ученіе, смѣшивавшее понятіе о наступленіи съ понятіемъ объ ударной тактикѣ, рассчитывавшее однимъ

усилиемъ воли преодолѣть дѣйствіе непріятельскаго огня. «Огонь служитъ только для подготовки удара; однако, самая лучшая подготовка—это внезапность... Никакой противникъ не устоитъ противъ солдата, который умѣетъ и любитъ работать штыкомъ».

Не одинъ Драгомировъ вывелъ изъ турецкой войны заключеніе о ничтожномъ значеніи огня. Въ извѣстномъ изслѣдованіи Волоцкого о ружейномъ огнѣ въ бою говорилось о томъ, что люди въ бою стрѣляютъ подъ опредѣленнымъ угломъ возвышенія, независимо отъ прицѣла. Поэтому, пройдя извѣстную, измѣняющуюся въ зависимости отъ образца ружья полосу, наступающій выходитъ изъ сферы пораженія обороняющагося ¹⁾. Куропаткинъ указывалъ, что въ 2000 шагахъ отъ турецкихъ позицій мы несли большія потери, а въ 600 шагахъ—гораздо меньшія, или даже никакихъ, такъ какъ турки не осмѣливались выставлять изъ за бруствера головы.

Въ томъ случаѣ, когда противникъ окопался, то и генералъ Пузыревскій отрицалъ дѣйствительность ружейнаго огня. Изъ 4,200 человекъ, составлявшихъ гарнизонъ редута у Горнаго Дубняка, нашъ ружейный огонь вывелъ изъ строя только нѣсколько сотъ человекъ, хотя огневая подготовка и продолжалась долгое время.

Такимъ образомъ, русскіе взгляды свелись къ отрицанію возможности вести въ бою прицѣльный ружейный огонь; огонь являлся неизбежнымъ зломъ; естественно, что мы отказались отъ настоящей огневой тактики и предпочли залповый огонь—не столько потому, что рассчитывали добиться лучшихъ результатовъ, а по недовѣрію къ одиночной подготовкѣ солдата, изъ за желанія держать войска въ рукахъ. Думали, что нельзя обойтись безъ непосредственнаго вмѣшательства начальниковъ, полагали, что одиночный огонь поведетъ къ упадку дисциплины огня и къ расточительному расходованію патроновъ.

Ученіе Драгомирова гласило, что начальники въ стрѣлковой цѣпи все время должны помогать стрѣлкамъ въ выборѣ цѣлей, въ опредѣленіи разстояній, по возможности указывать имъ удобный моментъ для выстрѣла, наконецъ, должны были прекращать огонь, когда исчезали стоящія вниманія цѣли. Стрѣлцы лишались всякой самостоятельности.

Огонь по одиночнымъ людямъ слѣдовало вести на разстоянія до 400 шаговъ, по сомкнутымъ частямъ—только на 800 шаговъ; на большія дистанціи можно было стрѣлять только залпами по крупнымъ цѣлямъ.

¹⁾ Ту же точку зрѣнія раздѣляетъ и новое сочиненіе маіора фонъ Р., о которомъ помѣщенъ отзывъ въ полбрской книжкѣ «Военнаго Сборника».

Большая часть русской пѣхоты предназначалась для массоваго удара; сознавалась, что въ общемъ пѣхота не достаточно подготовлена для стрѣлковаго боя и развѣдочно-дозорной службы; это явилось поводомъ для сформированія охотничьихъ командъ.

Балкъ не отрицаетъ ихъ пользы при дѣйствіяхъ на особенно пересѣченной мѣстности и въ обстановкѣ малой войны. Но въ большомъ сраженіи большинство охотничьихъ командъ не найдетъ себѣ примѣненія по своей специальности, а между тѣмъ отъ ротъ будутъ оторваны лучшіе люди, и это дастъ себя знать въ тяжелыя минуты боя, когда въ порѣдѣвшихъ рядахъ всякій человекъ, способный своимъ примѣромъ увлечь другихъ, получаетъ особую цѣну. Балкъ признаетъ охотничьи команды, какъ исключительно учебное формированіе, которое можетъ развить тактическій глазомеръ молодыхъ офицеровъ и солдатъ, что пригодится и для большой битвы. Эти взгляды Балка разделяются многими и въ нашей арміи.

Какъ выводъ изъ русско-турецкой войны, въ Германіи получила окончательное господство огневая тактика; въ Австріи въ 1880 году былъ принятъ уставъ, проникнутый духомъ наступленія и выдвигавшій повсюду на первый планъ необходимость добиваться рѣшенія огнемъ; въ Россіи же въ то же время приняли противоположное заключеніе о необходимости вести наступленіе безъ огня. Драгомировъ признавалъ при наступленіи огонь только съ 400 шаговъ; въ томъ же смыслѣ высказались генералы Скугаревскій, Шнеуръ и Сахаровъ. Все можно доказывать боевымъ опытомъ...

Далѣе Балкъ переходитъ къ анализу нашего устава 1881 года. Въ одномъ мѣстѣ уставъ обмолвился, что «цѣлесообразное управленіе огнемъ представляетъ существенное условіе для одержанія въ бою успѣха», но сейчасъ же противорѣчитъ этому, указывая, что нельзя рассчитывать на успѣхъ при стрѣльбѣ по окопавшемуся противнику, что слѣдуетъ стрѣлять только тогда, когда существуетъ твердая увѣренность, что патроны зря не тратятся, напримѣръ, когда цѣлью являются открыто стоящая артилерія, двигающіяся сомкнутыя части, подставившая свой флангъ стрѣлковая цѣпь. По сомкнутымъ частямъ огонь полного напряженія долженъ былъ достигать только при сближеніи на 800 шаговъ.

Ни одинъ изъ новыхъ уставовъ не подчеркивалъ такъ требованій ударной тактики. Противъ рѣдкой цѣпи нашихъ стрѣлковъ противникъ могъ выставить двойное число ружей; трудно намъ было рассчитывать на перевѣсъ въ огнѣ. Когда стрѣлковая цѣпь уже находилась на послѣдней позиціи въ 200 шагахъ отъ противника, мы рассчитывали, что ротный резервъ еще цѣлъ, и подталкивали имъ стрѣлковъ на штурмъ.

При оборонѣ уставъ указывалъ открывать сначала лишь слабый огонь; только лучшіе стрѣлки по указанію ротнаго командира должны были отвѣчать непріятельскимъ стрѣлкамъ. Огонь долженъ былъ усиливаться лишь по мѣрѣ подхода противника.

Весьма характеренъ для обороны фронтальный встрѣчный ударъ; при оборонѣ деревни или роши считалось болѣе предпочтительнымъ встрѣтить противника впереди опушки опорнаго пункта. При оборонѣ окоповъ стрѣлки встрѣчали противника, вскочивъ на брустверь.

Будемъ ожидать въ слѣдующемъ номерѣ Jahrbücher'a окончания статьи Балка, затрагивающей такіе важные для насъ вопросы.

А. Свѣчинъ.

